

23 ФЕВ 1974

ЗВЕЗДА
Г. МОСКВА

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Максим ШТРАУХ, народный артист СССР

Максима Максимовича Штрауха не надо представлять читателю. Он широко известен как актер, создавший галерею незабываемых сценических образов, особенно как один из первых исполнителей образа В. И. Ленина в театре и кино, стоявший у истоков советской художественной Ленинианы.

Сегодня мы публикуем его воспоминания о первых спектаклях пьесы А. Корнейчука «Правда», где М. М. Штрауху довелось впервые работать над воссозданием образа Владимира Ильича.

НАСТУПИЛ ДЕНЬ большого для меня испытания. В театре стало известно, что на спектакль придет Надежда Константиновна Крупская.

Такое посещение было для меня полной неожиданностью. Зная, что Надежда Константиновна не почувствовала идеи показать образ Ленина на сцене, я не думал, что она захочет посмотреть наш спектакль. И вдруг...

Перед началом спектакля меня подвели к ней и познакомили. Она сказала: «Я слышала, что у вас получилось удачней, вот мы и решили посмотреть спектакль сначала в вашем театре».

Зачем она обратилась ко мне именно с такими «словами»? Чтобы подбодрить? У меня был, вероятно, достаточно растерянный вид.

Все постановки пьесы «Правда» А. Корнейчука шли в Театре революции на очень большом подъеме. Интерес к нему был огромен. Каждый раз зал переполнен. Каждый раз приходил кто-нибудь из лично знавших Левина. И это еще больше волновало, обостряло чувство ответственности.

Но как определить, как измерить, как описать то возбуждение, с которым мы готовились играть «для самой Крупской»?!

А каково было мне! Я считал, что более высокого и строгого судьи у этого спектакля быть не могло. Ох, как трудно было взять себя в руки, собрать всю свою волю и нервы в кулак! Все время буравили мысли: «А вдруг не понравится!».

Мне и раньше приходилось испытывать подобное волнение при сдаче работ большой политической ответственности — таких, как «Броненосец «Потемкин» или «Октябрь». Но все равно — к таким переживаниям разве можно привыкнуть? Тут никакой опыт помочь не может. Тем паче сейчас, когда мне самому играть Ленина!

Как мы играли — не знаю, могу только сказать, что очень старались.

Спектакль окончен, а беспокойство мое нарастает — что скажет Крупская? Каков будет ее приговор? Раскритикует? А вдруг она уедет, не сказав ни слова.

Разгримировываюсь, сижу как на иголках. Вдруг слышу в дверях чей-то взволнованный голос: «Крупская осталась, сидит у директора в кабинете. Хочет повидать участников спектакля».

В кабинете набилось много народу, еще бы — интересно послушать, что скажет Крупская.

И вот я подхожу к Надежде Константиновне, и мы здороваемся вновь. Она пристально смотрит на меня с некоторым любопытством и, улыбаясь, удивляется: «Совсем дружили!» Все рассмеялись.

«Мы до вас тут говорили о пьесе, об игре ваших товарищей — артистов. Ну, что я вам скажу? Я стала свидетельницей того, как горячо и взволнованно зрительный зал принимал весь спектакль и вашу игру. Это меня радует. Я относилась настороженно и с некоторым недоверием к возможности показывать образ Ленина на сцене, но публика убедила меня в обратном. Это волнует. У вас даже голос похож. Я обязательно напишу поподробнее о своих впечатлениях в специальной статье. Вот только еще посмотрю теперь, как идет спектакль в театре Вахтангова».

Н. Крупская была в нашем театре 23 ноября 1937 года, а потом в Театре имени Вахтангова и слово свое сдержала: 13 декабря в газете «Правда» появилась ее статья «О пьесах, посвященных Октябрю», где она написала о двух первых постановках с образом Ленина на сцене.

ВСТРЕЧУ с Н. Крупской я отношу к разряду исключительно интересных и волнующих событий в моей жизни. Я должен был, конечно, тут же, по горячим следам, все подробнейшим образом

записать, но... не сделал этого! Сколько раз я ругал себя за такие упущения. Проходит время, и только задним числом по-настоящему оцениваешь увиденное и услышанное. Но многое от этой встречи неизгладимо врезалось мне в память.

Незабываемо было общее впечатление от разговора с Надеждой Константиновной. От всего ее существа веяло бесконечной добротой и сердечностью. Она располагала к себе вниманием, с которым слушала собеседника, тихой, неторопливой, взвешивающей речь. Разглядывала она всех как-то по-хорошему. Она это делала словно старалась как можно лучше понять человека. С ней было легко разговаривать.

Глядел я на нее и думал, каким удивительнейшим образом эта человеческая приветливость и задушевность сочетались в ее характере с непреклонной волей, мужеством и негибкой стойкостью революционерки. Недаром хорошо знавшая Надежду Константиновну старая большевичка А. Радченко сказала: «Характера у ней хоть отбавляй, при всей мягкости ее природы...».

Она была человеком заботливым, с большим любящим сердцем, готовым защищать всех обездоленных, всех тружеников мира. Ее образ неразрывно связан с образом Ильича, с которым она прошла вместе трудный и счастливый путь, полный борьбы, тягот и лишений.

МНЕ НЕ ВЕРИЛОСЬ, что вот это она так просто сидит вместе с нами и душевно беседует. Все детали этой встречи мне врезались в память.

Рядом с Крупской очутилась одна наша пожилая актриса. Поначалу она сидела тихо и скромно, но потом вдруг на нее нашло, и она неудержимо затарыхтела: «Мы так счастливы, что вы нас посетили, для нас это незабываемо, это самый счастливый день в моей жизни...» и т. п. в том же духе. В общем-то она была довольно милая женщина, но вот страдала эдакой излишне экспансивной формой общения, свойственной иногда людям нашей профессии. Мы-то к такому ее всплеску привыкли, нас они даже забавляли, но свежему человеку это было, вероятно, невыносимо. Реакция Крупской была определенной и даже резкой. Она отвернулась от нашей экзальтированной актрисы и, как бы выключив ее из беседы, сразу заговорила на другую тему, дав этим недвусмысленно понять нежелательность такого рода излишаний.

Я подумал о том, что, вероятно, так же вот и Ленин был совершенно нетерпимым ко всякой напыщенной «трескотне» и выпяченной фразе.

На беседу пришел, конечно, и наш гример Илюша Кутилин. Он был замечательным, очень добросовестным работником и волновался за успех дела, конечно, не меньше, чем каждый из нас. Стоял, скромно пристроившись где-то в сторонке, в углу. О нем, о его работе, о сложности грима во время беседы шел разговор, и вот об этом-то Крупская не забыла. Уходя, она подошла к Илюше Кутилину, пожала ему руку и поблагодарила. Такая деталь свидетельствовала о большом внимании к человеку, работа которого не всегда достаточно оценивается даже в нашей среде.

И вновь мне почудилось, что и в этом «просвечивает» ленинский характер, его любовь и уважение к трудовому человеку, какое бы скромное положение он ни занимал.

У меня было впечатление, что Надежда Константиновна посидела бы с нами еще некоторое время, но ее спутница, боясь переутомления Крупской, строго следила за тем, чтобы встреча не затянулась.

Весь театр был взбудоражен посещением дорогого гостя.

А сам я уж не помню, удалось ли мне в ту ночь заснуть от пережитых волнений...